девушки в ужасе округлились… очередная вспышка… и светлое пятно дверного проема начало стремительно удаляться, а я полетела вниз, во тьму. Сверху меня догоняли та девушка и кошмарные тени, от вида которых сердце колотилось о ребра так, что грозило выскочить наружу. Неожиданно рыжая вскинула руку и крикнула:

— Мы выбираем свет!

В грудь будто раскаленный кол воткнули, а следом живое пламя стремительно захватило, обволокло верхнюю часть моего тела. Одновременно яростно усилился, словно сопротивляясь врагу, захвативший большую часть меня тот лютый холод, что недавно практически полностью подчинил, стер личность, чувства, память, оставив лишь дикую боль.

Внутри началась битва льда и пламени. Я бы сорвала голос от воплей, если бы могла издать хоть звук, настолько зверски меня рвали, ломали, сжигали и морозили изнутри две стихии. Меняли, трансформировали под что-то иное, чуждое… не мое!

В какой-то момент я не выдержала шквала боли и сдалась, агония победила. Невольно взмолилась об избавлении от мук, о смерти, сама не зная, к кому обращен мой молчаливый вопль-мольба. Однако вместо забвения и облегчения вспыхнула очередная картинка. На меня смотрели двое. Та самая морковно-рыжая симпатичная девушка в очках, с круглыми карими глазами и румянцем на пухлых милых щечках и красивая платиновая блондинка с ласковыми черными глазами и темными бровями. Обе выглядели счастливыми и ощущались родными.

Рыжик улыбнулась и с наигранной укоризной спросила:

— Вик, ты где? Мы с Женькой тебя потеряли…

Красавица блондинка, на миг закатив черные глазищи, хмыкнула с веселой снисходительностью:

— Не отвлекай ее, Маш, похоже, наша любимая Шапокляк задумала очередной захват мира!

— Вы кто? — изо рта вырвался сиплый шепот.

— Мы банда! — хихикнула блондинка.

Откуда-то издалека вдруг донесся незнакомый женский голос, таинственный и загадочный:

— Вы не банда, отныне вы одного рода. И даже уйдя за грань, не потеряетесь, сможете защитить, поддержать друг друга.

«Выходит, я не одинока? Я кому-то нужна?» — ввинтился в сознание отчаянный всхлип надежды.

Но никто не ответил, я вновь одна. Еще и царивший вокруг лютый холод с привкусом тлена и запахом свежевырытой могилы вновь стал донимать, охватывать, терзать. Наверное, чтобы окончательно заморозить, подчинить, но любящие солнечные улыбки рыжика и блондинки и мысль, что я не одинока, неожиданно переломили ситуацию. Пламя в груди вспыхнуло сильнее, ярче, и холод затрещал, подточенный огнем, начал отступать. Неохотно, огрызаясь, все же освободил грудь, где заполошно колотилось сердце и трепетала душа.

Странное чувство — жуткий полет фантазии или больное сознание? — но я всем телом, каждой клеточкой ощущала, что мое средоточие, каким-то чудом уцелевшая душа попала в кокон теплого света, а вокруг нее накапливалась тьма, которая, злобно ворча из-за проигрыша, насылала колючий холод, спешно расползалась по всему телу, занимая отвоеванную территорию.

Как ни странно, это походило на вынужденное перемирие. Боль наконец утихла и «раздел территории»

позволил мне прочувствовать собственное тело, убедиться, что я жива и цела, раз способна пошевелить ногами и руками, вздернуть голову и с отчаянной жадностью — вдохнуть, наполнить горевшие легкие живительным воздухом.

Жива!

Я открыла глаза, словно запекшиеся от недавнего жара, терзавшего мое тело, и по щекам побежали слезы облегчения. Первым я увидела потолок — высокий, с вычурной лепниной и огромной театральной люстрой. Поморгав, убедилась, что это не очередной выверт больного сознания, и вдруг осознала, что совершенно ничего не помню. Ни где я, ни кто я, ни как тут очутилась. Памятью завладели отголоски недавно пережитой боли, не позволяя задуматься о чем-то другом, сосредоточиться.

Но неожиданно дали о себе знать обоняние и осязание, и остро запахло смертью.

Почему именно смертью? Я не смогла бы объяснить, просто знала! Затем добавились и другие ароматы, живые: крови, парфюма, воска и ванили, но их приглушал незнакомый, тяжелый и удушливый, от которого першило в горле, топорщился каждый волосок на коже, словно подсознание предупреждало: рядом кто-то опасный! Надо мной с противоположных сторон пролетели странные темные сгустки. Если глаза или ощущения не обманули, они были энергетическими. И очень меня встревожили.

Зато я лучше и отчетливее воспринимала реальность и в ней — себя, лежащую ничком на холодном каменном полу в одежде из тонкой шелестящей ткани. Стоило слуху уловить это шуршание, как меня оглушило множество других звуков, громких и негативных: крики ужаса и боли, панические вопли, яростная

ругань и стоны. Одновременно что-то трещало, звенело и разбивалось вдребезги…

Повернув голову, поначалу обрадовалась, что в принципе смогла это сделать, а потом замерла, в шоке разглядывая творившийся вокруг хаос. Метались люди, нарядно или строго одетые, некоторые размахивали холодным оружием, другие формировали в руках темные сгустки и запускали их в толпу.

У ближайшей колонны, всего в паре метров, находились двое. Девушка с волосами редкого светло-серебристого оттенка, искусно уложенными в высокую прическу с великолепной диадемой, лежала на боку. Ее широко распахнутые остановившиеся глаза были не менее редкого фиалкового цвета, насыщенность которого подчеркивало сиреневое бальное платье из воздушного батиста. На округлой, приподнятой корсетом груди этой экзотической красавицы лежало тяжелое ожерелье с крупными фиолетовыми камнями, наверное, аметистами; несколько браслетов с камнями помельче обвивали ее тонкие изящные запястья. Девушка была бы совершенна, если бы не совершенно пустой безжизненный взгляд и не торчавший из ее из спины клинок с фигурной рукоятью, украшенной драгоценными камнями.

Симпатичный черноволосый мужчина лет тридцати пяти на вид, сидевший рядом с мертвой красавицей, обессиленно привалившись к колонне, смотрел на меня удивительными глазами: цвет радужки перетекал от светло-серого у зрачка к антрацитовому у белка. На нем были темные брюки и туфли и черный бархатный сюртук, расшитый золотом на лацканах и рукавах. Вроде строгий простой наряд, если бы не массивная золотая цепь с медальоном на его груди

и не тонкий обруч венца на голове, указывающие, что их обладатель облечен огромной властью.

Незнакомец не двигался, дышал с трудом и смотрел на меня, не отрываясь. В необычных глазах плескалось море разочарования и боли, душевной и физической. Так может смотреть только тот, кого предали самые близкие и любимые.

Странное дело, под взглядом этих штормовых глаз я почувствовала родство с их обладателем, словно сама моя кровь откликнулась на него, подсказывая: мы не чужие, хотя видела я его впервые. И тут же испугалась вновь: у него в груди тоже торчал нож. Без филигранной драгоценной рукояти, как в спине девушки, гораздо проще. Подобные принято прятать от чужих взглядов, использовать исподтишка и выкидывать. Но от этой грубой рукояти по груди мужчины неумолимо расползался серый зловещий рисунок, будто морозный узор по оконному стеклу. Вдобавок дымчатая нить тянулась от ножа к руке мертвой девушки, вытянутой в сторону мужчины, связывая их и подсказывая, кто хозяин ножа, кто именно воткнул его в грудь венценосному незнакомцу, предал.

Я не смогла бы объяснить, что меня толкнуло действовать. Быть может, боль и разочарование в необыкновенных серых глазах, ведь я только-только сама пережила боль. Или дикое, непривычное, но такое желанное чувство родства с незнакомцем. Наверное, загадочное наитие и интуиция подсказали, что следует срочно сделать.

С огромным трудом перевернулась на живот и, прилагая неимоверные усилия, поползла к раненому мужчине. Он что-то произнес на незнакомом языке надтреснутым голосом, выдохнув облачко пара, словно морозной зимой. Глухой тон полоснул меня

очередной волной безмерного разочарования, неимоверной боли и бессильной ярости, но и смирения: он явно готовился к смерти, готовился принять ее…

От меня? Посчитал, что я его добью?

Пока ползла к сероглазому, удивилась, как поразительно остро и четко воспринимала его эмоции. Не по глазам читала, а словно нутром чувствовала. Но задумываться о странностях восприятия было некогда — раненый на последнем дыхании.

Добравшись до мужчины, приподнялась на локтях, задыхаясь от усилий. С сочувствием заглянув в недоуменно округлившиеся глаза, взялась за нож и вытянула из груди. Похоже, наитие не обмануло: смертоносная морозная паутина, расползшаяся по груди несчастного, исчезла, и он с облегчением жадно вдохнул.

А вот интуиция меня жестоко подвела: сжимавшую нож ладонь обжег чудовищный холод, проник до костей. Я завопила от боли, сознание помутилось и отключилось…

Из тьмы и хаоса бесконечного множества мелькавших перед глазами разрозненных картинок я вырвалась с криком, задыхаясь от ужаса. Разные языки, разные миры, люди, нелюди, технологии, магические ритуалы, жуткие и не очень, — все смешалось в голове. Я запуталась: где мое, а где чужое? Это кино, больная фантазия или реальность?

Еще и штормило меня, то тело опять пробирало холодом до костей, то яростно сражавшийся с ним за сердце и душу жар обжигал, будто злобный пес, отгонявший от своих владений врага.

Резко села, судорожно дыша, и испуганно-заполошно вертела руками, недоуменно разглядывая ладони. И чем дольше смотрела, тем отчаяннее ныла:

— Нет-нет, только не это! Этого просто не может быть…

А все потому, что мои нежданно-негаданно почерневшие руки буквально истекали странной тьмой — непокорной, злобной, обжигавшей холодом. Будто бы живой… Я с остервенением вытерла ладони о постель, но на серой простыне не осталось и следа.

— Катрия? — спросил смутно знакомый голос.

Вздрогнув, я обернулась и увидела мужчину, из груди которого вытаскивала нож. Надо же, спасла! Вполне живой сероглазый стоял напротив меня, но… за прутьями решетки. Оказывается, я сидела за ней, как в тюремной камере. И явно где-то в подземелье: слишком сумрачно, затхло, сыро и серо вокруг. Гнетуще. Ни окон, ни дверей, только камера три на три, каменные стены и решетка напротив узкой лежанки с жестким комковатым матрасом и крохотного стола.

Оторопело оглядевшись, уставилась на знакомого незнакомца за прутьями, которого по-прежнему воспринимала родственником. Он был в костюме, похожем на тот, в каком я увидела его впервые, только темно-синем, с пудовой цепью на груди и венцом на голове. Рядом с сероглазым стоял мужчина выше его на голову. Без знаков отличий и погонов, но в строгом черном сюртуке, наверняка из спецслужб или военный. Блондина с карими глазами можно было бы назвать привлекательным, если бы не слишком жесткое, суровое выражение, усилившее резкость черт лица. В устремленном на меня взгляде светилась неприкрытая неприязнь на грани с ненавистью. Его

эмоции, которые я отчетливо ощущала, подсказывали: он надеялся на гадость с моей стороны, чтобы уничтожить.

Под взглядами этих властных сильных мужчин и особенно под гнетом их эмоций стало крайне неприятно. До такой степени, что я решила встать, но не вскочила как провинившаяся студентка, а будто из воды выходила, шурша тканью сильно мятого платья. Одновременно по краю сознания скользнула мысль, что имя Катрия частенько мелькало в хаосе, терзавшем меня недавно.

Приподняв многослойную шелковую юбку, медленно передвинула и спустила ноги. Почему-то слишком длинные ноги. И бедра тоже непривычно шире. Уже совершенно иначе я рассматривала свои ладони, подняв их к глазам. Отметив, что и они больше моих прежних, с длинными пальцами, холеной белой кожей, не знавшей работы. Правда, под продолговатыми обломанными ногтями темнели ободки грязи.

От накатившей паники и непонимания я невольно взвыла и, резко встав, покачнулась на нетвердых ногах: ощущения в пространстве были иными, как будто у меня сместился центр тяжести, изменилось зрение и вообще все. Раньше, опустив взгляд, я не наталкивалась на такого размера грудь, нагло споривщую с законом тяготения и гордо смотревшую вверх, а не уныло — вниз.

Негодование зашкаливало, внутри росло опасное напряжение, грозившее разорвать меня на кусочки. Я сама себе напоминала закипающий чайник — того и гляди крышку сорвет. Это состояние вылилось в боль: казалось, пальцы раздулись и сейчас лопнут! Чувства чудили не меньше: меня раздирало от желания рвать, метать, а еще лучше — кого-нибудь при-

бить в самой жестокой форме. Мало того, по полу и стенам от меня начал расползаться знакомый по недавнему спасению родственника морозный узорчик, правда, добравшись до прутьев, закрывших меня в каменном мешке, он злобно отпрянул, наткнувшись на сияющий энергетический экран.

Сероглазый что-то обеспокоенно сказал.

Вновь услышав в обращении ко мне имя Катрия, я взревела:

— Я не Катрия! Я…

И в ступоре замолчала, пытаясь вспомнить: кто же? Подбородок и губы дрожали от отчаяния, страха и усилий сдержать слезы обиды на все и всех. Я не помнила своего имени! Но помнила, что плакать бессмысленно: слезы ни разу в жизни не помогли.

Очередная эмоциональная вспышка практически затмила мой разум, а тело обожгло замогильным холодом. Во рту разлился металлический привкус, запахло свежей землей, что напугало до чертиков, я слишком хорошо запомнила агонию, которая приходила следом.

За спиной вдруг раздался писк. Обернувшись, увидела крысу. Наглую, огромную, зубастую. Я с детства боялась этой «нечисти». И опять же по наитию, а может, рефлекторно, спустила все накопившееся во мне темное напряжение на мерзкую тварь. Рванувшая из рук темно-серая мгла не менее мерзкой голодной тварью накинулась на крысу и за мгновение превратила ту в горстку тлена. Удивительно, но после такого избавления от грызуна мне стало физически легче, словно из чересчур раздутого шара стравили лишний воздух. А морально… морально почему-то стало еще хуже. Сердце и душу медленно наполнял знакомый пугающий холод.

— Катрия! — воскликнул мужчина с цепью на шее и выдал короткий взволнованный спич на неизвестном языке.

Растерянно слушая непонятную речь, я проследила за его рукой. Он показывал на стол, где, как оказалось, стояли кувшин, кружка и большая тарелка с хлебом, сыром и мясом. От сильнейшего голода, который я мгновенно ощутила, казалось, затряслись поджилки. Ринувшись к столу, первым делом напилась, а то по горлу словно наждаком прошлись. Утолив жажду, схватила кусок хлеба, и… начался кошмар: хлеб в моей руке на глазах зачерствел, покрылся плесенью, скукожился и истлел в пыль. Даже швырнуть от отвращения оказалось нечего, оставалось только нервно и брезгливо вытереть пальцы о когда-то нарядное платье, жалкой тряпкой висевшее на мне. Вторая попытка поесть привела к тому же результату: сыр превратился в склизкое нечто и растекся в руках с вздувшимися, потемневшими венами. Же-е-есть!

Больше экспериментировать не стала и убито глянула на мужчин. Но если вояка смотрел на меня молча, грозно сверля неприветливыми глазами, то спасенный мной мужчина пытался что-то донести до меня. Стучал себя в грудь, сжимал кулаки и глухо что-то настойчиво твердил.

Нестерпимо хотелось разреветься, но… раз смысла нет, значит, и не стоило. Шмыгнув носом, я подумала, что и бороться с проникшей в мое тело зловредной силой не надо, пусть и меня уничтожит. И тут же грудину обожгло изнутри, не больно, скорее отрезвляюще, как бы ободряя унылую душу.

Стало плевать на незнакомцев, на тюремную камеру, на терзавший тело голод. Я легла на койку и, обняв себя за непривычно широкие плечи, подтянула

к груди непривычно длинные ноги. Словно тело машинально само решило хоть ненадолго удержать родственное, согревающее нутро тепло, чтобы не сразу дать волю смертельному холоду. А еще как-то принять тот факт, что я не я. И попа, кстати, тоже не моя.

И не заметила, как провалилась в темноту, в которой на меня вновь навалился хаос то ли своих, то ли чужих воспоминаний.

Глава 2

В палате медблока я осталась одна, всех инфекционных уже выпустили. Тело нестерпимо чесалось, голова болела, и я чувствовала себя самой несчастной дрожавшей девочкой. В зеленую крапинку. Кровать жесткая, от окна сквозит, мне скучно и одиноко. Как же страшно и непривычно валяться в полутемной комнате опустевшего медблока одной! Я проверила: дежурная сестра ушла смотреть сериал к нянечкам, оставив меня без присмотра.

Скрипнула дверь, и в палату заглянула рыжая и лохматая голова.

— Плохо? — посочувствовала Машка, просачиваясь в узкий проем.

Следом за ней юркнула Женька, длинная и худая. Шпала шпалой. Хотелось привычно буркнуть, что у меня все хорошо и пусть они катятся смотреть телик, но этим двум девчонкам я почему-то с первой встречи не могла врать. Вот и опять угрюмо призналась:

— Угу.

— А мы тебе вот чего принесли! — довольно похвалилась Женька, протягивая здоровущее зеленое яблоко и шоколадную вафлю, аккуратно завернутую в салфетку.

— Тетя Зина из столовки дала, узнав, что и тебя ветрянка свалила, и тебе хуже всех, и температура высокая, — пояснила Маша, сев на край моей кровати.